

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ ДИКТАТОРАМИ РАННЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В. В. ДЕМЕНТЬЕВА

Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова
vv_dementieva@mail.ru

Vera Dementieva (P. G. Demidov Yaroslavl' State University, Russia)

EXECUTION OF THE HIGHEST POWER IN MILITARY SPHERE BY THE DICTATORS OF EARLY ROMAN REPUBLIC

ABSTRACT. The Roman dictators regularly (invested with power by the Roman state in the 5th – 3rd c. BCE in the situations of serious military treats to the Republic) had to accomplish three legally regulated public acts. They closed the courts, declare, if necessary, a levy in mass (if the warriors already called up for military service by ordinary magistrates were not numerous enough for starting a campaign), and personally supervised recruitment and training of the troops. Their orders were published in the form of an *edictum* which, most probably, contained all these regulations. Regardless of the purpose of its declaration, the dictatorship transferred the civil life of the city in the state of *militiae*. The newly formed army swore fidelity (called *sacramentum*) to the commander and – from the time of the Second Punic war – made a formal declaration of loyalty, *ius iurandum*. Contrary to a widespread scholarly opinion the author argues that it is the applicable legal rules, rather than the sphere of their applicability that distinguishes the *imperium* of an ordinary magistrate from this of an extraordinary one. Therefore, talking (not quite correctly) about “military *imperium*” of an extraordinary magistrate, the historians of Roman law are in reality dealing with an application of his *imperium* in military sphere.

KEYWORDS. Roman Republic, public power, *imperium*, dictatorship

Период римской истории V–III вв. до н. э. явился отдельным этапом существования Республики как в публично-правовом, так и в военном отношении. Причем своеобразие той и другой стороны римской жизни было во многом взаимообусловленным и взаимопроникающим: специфика военно-политической ситуации на данном хронологическом отрезке приводила к особому пути формирования государственно-правовых механизмов гражданской общины, а складывавшиеся управленческие структуры, в свою очередь, непосредственно влияли на организацию, ход и исход военных кампаний. Необходи-

димось политического выживания *civitas* – как независимого социума – в обстановке постоянной военной угрозы стимулировала возникновение органов «быстрого реагирования» на внешнюю опасность, а характер этих органов не в последнюю очередь определял специфику публично-правового устройства ранней Республики.

Особый путь становления римской политико-правовой системы в немалой степени проявился в непохожести ее исполнительной власти¹ на сложившиеся к тому времени образцы в иных гражданских общинах Средиземноморья. Акцентируем для начала институциональные особенности римской высшей магистратуры в целом (в совокупности ее ординарной и экстраординарной ветвей), принципиально важные для рассмотрения военной деятельности чрезвычайных магистратов-полководцев.

Римские высшие должностные лица были (в отличие от греческих) носителями делегированного государственного суверенитета, они являлись «полномочными представителями» римского народа и его «отцов» и в мирных, и военных делах. Иначе говоря, если граждане греческих полисов сами принимали важнейшие решения во внутренней и военной жизни, а их магистраты были лишь исполнителями воли коллектива, «инструментами» ее реализации, то римские граждане предоставляли своим магистратам право действовать по собственному усмотрению от имени квиритов в важнейших государственных делах. Применительно к афинским должностным лицам Е. И. Суриков дал четкую формулировку: «Магистраты не были суверенны».² Применительно к римским носителям высших должностей скажем: магистраты были суверенны, и их суверенитет был делегированным суверенитетом *populus Romanus*. На войне греческие стратеги, хотя и имели «свободу рук» в тактических действиях, в принципиальных решениях общестратегического характера зависели от экклесии; сами, находясь в должности, были не только подотчетны, но и подсудны народу, они могли быть в любой момент отстранены от власти. Римские же полководцы самостоятельно определяли стратегические задачи, методы их осуществления, они в течение срока полномочий сохраняли независимость и властную позицию по отношению к комициям. Римская публично-правовая практика не выработала механизмов досрочного лишения магистратских полномочий; магистрата могли отдать под суд только тогда, когда он уже становился экс-магистратом. Известные попытки плебейских трибунов призвать высших магистратов к суду народа, в частности в 455 г. до н. э., были безуспешными, и только после сложения верховной власти ее бывшие носители

¹ Воспользуемся для уточнения понимания термина словами И. Е. Сурикова (2006, 315), делающего следующую оговорку при употреблении словосочетания «исполнительная власть»: «В античности еще не сложилось представления о строгом разделении власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви; это – продукт политической теории Нового времени (Локк, Монтескье)».

² Там же.

предстали перед судом (Дионисий Галикарнасский, *Римские древности* [далее: Dionys.] X. 34–35, 42; Тит Ливий, *История Рима* [далее: Liv.] III.31.5). Неподсудность находившегося в должности римского магистрата, на наш взгляд, как раз и отражает делегирование ему государственного суверенитета. Как отмечает Л. П. Маринович, в Афинах «возможно было возбудить судебное дело не только против магистрата, но и против самого полиса» (Маринович 2001, 51). В Риме, по нашему мнению, невозможно было возбудить судебное дело против действовавшего магистрата потому, что он не просто осуществлял публично-правовые функции от лица государства, – в нем государство персонифицировалось. Думается, что сказанное подтверждается также тем фактом, что одной из трех основных составляющих римского публичного права – как их реконструируют исследователи на основе свидетельства Ульпиана³ – явилось впоследствии (в классический период его развития) право магистратов; основы этого закладывались в период ранней Республики.

Вполне закономерным в названном контексте представляется и уподобление в источниках величия (*maiestas*) магистрата величю (достоинству) римского народа. Причем это называется в качестве древних установлений, что отражено, например, у Валерия Максима (Val. Max. II.2.2): «Magistratus vero prisici quantopere suam populique Romani maiestatem retinentes se gesserint...». Такое приравнивание было возможно только в случае «замещения» римского народа магистратом в важнейших политических действиях.

Для собственно военной сферы заметим, что афинский народ (организованный в народное собрание) имел право дать одному члену коллегии стратегов полномочия высшего военного командования на весь период войны, римский народ вообще не мог ни вмешиваться в очередность выполнения ординарными высшими магистратами их обязанностей (тем более военных) и распределение этих обязанностей внутри коллегии, ни определять переход к экстраординарному правлению и персону чрезвычайного магистрата (он ее только легитимизировал через куриатную организацию). Если полномочия стратега-автократора в Афинах вручало полководцу народное собрание, то в Риме высший ординарный магистрат сам провозглашал диктатора, а решение о переходе к диктатуре предварительно принималось не комициями, а сенатом.

Ключевое слово, в котором сфокусирована специфика высшей магистратской власти Римской республики, – *imperium*, понятие, не имевшее греческого аналога. Его содержательное наполнение мы уже рассматривали в специальной статье,⁴ сейчас только отметим, что придерживаемся точки зрения о его

³ См. подробно об этом: Кофанов 2006.

⁴ Дементьева 2005. Кратко воспроизведем некоторые положения: Империй – это высшая исполнительная власть и в сфере *domi*, и в сфере *militiae*. Империй всегда включал определенный и неизменный набор прав магистрата по отношению к гражданскому коллективу в целом и каждому гражданину в отдельности. *Imperium* давал его носителю следующие права: (1) общаться с богами от имени общины, проводить

полифункциональном характере в раннюю Республику, признавая, вместе с тем, его военные истоки. Добавим еще, что поименное предоставление империя через куриатный закон, видимо, подчеркивало персонифицированность делегирования империя: он вручался (т. е. передавался суверенитет *res publica*) не вообще абстрактному должностному лицу, а конкретной личности. Статус высших магистратов (*magistratus cum imperio*) как носителей делегированного государственного суверенитета есть, на наш взгляд, одновременно свидетельство римских истоков принципа представительности: идея представительной власти – римская, здесь для нас несомненен приоритет римлян. Право высшего магистрата на действия от имени всего народа, на представительство квири-тов, было заложено в *imperium*.

auspicia; (2) созывать комиции, вносить в них законодательные предложения (*rogationes*); (3) созывать сенат, вносить в сенат предложения (*relationes*) и требовать от него заключения по предложенному вопросу; (4) право высшего военного командования, в том числе набора войск и проведения военных операций в роли главнокомандующего, назначения войсковых командиров и право триумфа в случае масштабной победы; (5) право заключения перемирия (но не мира) с врагом; (6) право распределения военной добычи (хотя бы ее части); (7) право высшей административной власти; (8) право высшей судебной власти (*iurisdictio*), которое включало в себя следующие правомочия, связанные с привлечением гражданина к ответственности за нарушение законов: право вызова провинившегося (*ius vocationis*), право задержания (*ius prehensionis*), а также право непосредственного наложения наказания – *ius coercionis*; (9) право торжественного провозглашения своего преемника в роли держателя империя; (10) право назначения на время отсутствия в Риме всех магистратов с империем, полученным на основе закона, городского префекта (*praefectus urbi*); (11) с последней трети IV в. до н. э. – право стать (по истечении должностных полномочий) промагистратом на основе пророгации империя; (12) право на инсигнии, символизировавшие империй. Этот набор правомочий неотъемлемо входил в содержание понятия *imperium*. Объем полномочий, заложенных в империи, был всегда неизменным.

Могли быть разные сферы (*domi* или *militiae*) применения империя, различные условия и зависевшие от сфер и условий деятельности различные публично-правовые механизмы его реализации. Эти механизмы либо правовым образом сдерживали в каком-то отношении применение властных полномочий, заложенных в империи, либо, наоборот (при их «выключении»), развязывали магистрату руки для максимально полного превращения их в жизнь. К числу таких механизмов относятся: (1) право провокации к народу (провокация была законным средством для гражданина опротестовать суровый приговор магистрата в народном собрании); (2) коллегиальная интерцессия (коллегиальность и множественность магистратуры – разные понятия); (3) апелляция к другому магистрату; (4) интерцессия со стороны плебейских трибунов; (5) иерархия магистратов с империем, которая означала не «уменьшенные полномочия», содержащиеся в империи нижестоящего магистрата, а иной правовой механизм его осуществления по сравнению с вышестоящими носителями империя (эта иерархия в военной сфере оборачивалась военной субординацией, в гражданской – неподсудностью вышестоящего магистрата нижестоящему); (6) выделение сферы деятельности – *provincia*.

На наш взгляд, проявление замещения суверенности народа суверенностью магистрата следует усматривать и в очень древней сакральной клятве (*sacramentum*), которая, по определению В. Н. Токмакова, подробно ее характеризовавшего, «представляла собой торжественный обет повиновения воинскому империи» (2000, 142 и 2007, 172), «апеллировала к сакральным нормам и обрекала воинов на подчинение приказам лично военачальника» (Он же, 2007, 171). В ее основе, – подчеркивает В. Н. Токмаков, опираясь на Дионисия Галикарнасского (XI.43.2), – лежал закон, который «еще в V в... давал командующим право приговаривать к смерти без суда всех тех, кто не подчиняется либо оставляет свои знамена, т. е. составлял суть империя» (2000, 142). Данная клятва, как и последующая (со времен Второй Пунической войны), официальная присяга *ius iurandum* (которая, как отмечает В. Н. Токмаков, регулировала уже взаимоотношения солдат и государства) – своеобразные процедуры, подтверждающие акт делегирования прав римских граждан, включая их право на жизнь, магистратам с империем.

Противопоставление «высшего» и «меньшего» империя, по нашему мнению, возможно только в случае соотнесения власти двух магистратов *cum imperio*, один из которых занимал более высокую ступеньку в иерархии должностных лиц (диктатор – начальник конницы; консул – претор). При этом все они наделялись одинаковым по объему империем, а различие состояло в том, что вышестоящий магистрат мог запретить нижестоящему совершать определенные действия, в том числе вытекавшие из империя.

Экстраординарные магистраты, включая диктаторов, могли после сложения полномочий подвергнуться судебным преследованиям точно так же, как ординарные должностные лица. Так, в изложении традиции, к судебному разбирательству по инициативе консулов привлекался Гай Мений (сразу после своей диктатуры 314 г. до н. э.), о чем сообщает Ливий (IX.26.20). Вынужден был предстать перед судом (спустя время после исполнения этой должности) и диктатор 339 г. до н. э. Квинт Публилий Филон (Liv. IX.26.21). Поэтому мы не можем согласиться со следующим мнением В. Н. Токмакова (1997, 46): «В отличие от консулов диктаторы в традиции никогда не подвергаются судебным преследованиям после сложения полномочий». Возможность привлечения экс-диктаторов к судебной ответственности, зафиксированная традицией, свидетельствует (так же, как и невозможность привлечения к суду любых магистратов с империем в период срока должности), на наш взгляд, о том, что не сам империй отличал их должностное положение от консульского, а только механизм осуществления заключенных в империи полномочий. Особый объем полномочий мог бы давать и особый статус после их сложения, – но этого мы не наблюдаем.

Наличие постоянных военных конфликтов в V–IV до н. э., как справедливо, на наш взгляд, подчеркнул К.-Й Хёлькескамп (Hölkeskamp 2004), укрепило и военную сторону империя, и его основополагающее значение в целом. В правовом отношении империй никогда не был «усеченным». Действие по отноше-

нию к ординарным носителям империя *praesidia libertatis*, в первую очередь трибунских *auxilium* и *intercessio*, свидетельствует отнюдь не об ограничении империя, а о признании его «веса». Добавим, что их функционирование касалось именно условий применения империя, а не его сути.

Экстраординарные магистраты – это должностные лица, наделенные империя, включавшим в себя такие же, как и у ординарных магистратов правомочия (и в том же их объеме), но имевшим особый, неординарный публично-правовой механизм реализации. Это первый критерий отнесения магистратов к экстраординарным. Вторым критерий – они нерегулярно использовались в политической практике. Нерегулярность означает непериодичность, использование по мере необходимости, в экстремальной, критической ситуации. В условиях же ранней Республики применение структур чрезвычайной власти было хотя и нерегулярным, но весьма частым, особенно по причине войны. Тезис об эндемичности войны для греческих полисов (в период с 490 по 338 г. до н. э. греки воевали каждые два года из трех и не жили в мире более 10 лет подряд)⁵ никак не в меньшей степени верен применительно к тому же хронологическому отрезку и для римской общины. Исследователи постоянно отмечают «феномен перманентной войны» в качестве доминирующей черты римской жизни ранней Республики,⁶ «ежегодный ритм» римских войн⁷ или «модель ежегодной войны»⁸ с ее сезонными летними кампаниями, когда военные действия римлян были ограничены Италией.

Итак, мы говорим не о «военном империи», а о реализации полномочий, заключенных в империи, в военной сфере. Обратимся к непосредственному осуществлению на практике военных функций высшей власти чрезвычайными магистратами – диктаторами ранней Республики. Мы уже посвящали им специальные исследования,⁹ но военный аспект затрагивали в схематичном виде, – сейчас бы хотели с одной стороны, – компенсировать этот недостаток более детальным обращением к информации античной традиции, с другой – дополнить анализируемый материал источниками некоторыми новыми размышлениями и вниманием к публично-правовой стороне действий диктатора в сфере *militiae*.

Диктатура, называемая в источниках *rei gerundae causa*, понимается нами как та, к которой прибегали для ликвидации какой бы то ни было (внешней или внутренней) серьезной опасности; диктатура, вводившаяся непосредственно для ведения военных действий – *belli gerundae causa*. Й. Бляйкен, исходя из теории А. Хойса, отрицающей полифункциональность магистратского империя в раннюю Республику, считал, что назначение диктатора *rei gerundae causa* – исклю-

⁵ См. Маринович 2006, 8.

⁶ См. *Война и античное общество* 2004, 22.

⁷ Там же, 77.

⁸ Там же, 69.

⁹ Дементьева 1996 и 2001.

чительно вести войну.¹⁰ Мы же понимаем целевое назначение этой диктатуры более широко, в значении выполнения (*gerere*) любого важного государственного дела (*res*). Именно она была введена в римское публично-правовое устройство «по высшему закону», о котором сообщает Фест (216. L).¹¹

Проблема постижения смысла словосочетания *rei gerundae causa* была поднята Марианной Элизой Хартфилд (Hartfield 1982). Отметив, что в консульских фастах это выражение всегда связано с информацией о диктаторах, она обратилась к анализу его употребления Ливием. М. Э. Хартфилд обнаружила у Ливия трехкратное использование этого выражения: применительно к событиям 326 г. до н. э., 216 г. до н. э. и 191 г. до н. э. (там же, 4–6). Все упоминания, как она подчеркивает, относятся к периоду после 363 г. до н. э. (т. е. после первого случая применения диктатуры *imminuto iure*). М. Э. Хартфилд находит, что в двух первых примерах Ливий употребляет термин *rei gerundae causa* применительно к диктаторам, при этом речь идет о военной цели их назначения и о шестимесячном сроке исполнения должности. Третий же пример использования Ливием анализируемого словосочетания относится вообще не к диктатору, а к римскому флоту и его командованию, но речь идет – что она считает весьма показательным – о военной кампании. М. Э. Хартфилд, однако, не спешит сделать вывод о чисто военном (и неизменном) содержательном наполнении понятия *rei gerundae causa*, полагая, что таковое привнесено уже Ливием, а для более раннего времени понимание было более размытым, особенно в отношении диктатур времени до законов Лициния-Секстия. То, что диктатура *rei gerundae causa* обычно применялась для военных действий, не означает, подчеркивает американская исследовательница, что она вообще не была связана с выполнением обязанностей в гражданской сфере. Но за пределами военной сферы власть данных диктаторов четко в источниках не определена. Мы, когда публиковали свои работы по раннеримской диктатуре, не нашли, к сожалению, труд М. Э. Хартфилд, сейчас же, ознакомившись с ним, вполне присоединяемся к ее наблюдениям; они согласуются – несмотря на то, что данный автор рассматривает вопрос с другого исследовательского ракурса – с нашим выводом о том, что нет оснований жестко связывать целевое назначение диктаторов *rei gerundae causa* только с ведением внешней войны, хотя, чаще всего, именно для отражения внешней агрессии она и применялась. Но причиной такого применения были обстоятельства политической жизни римской общины, а не публично-правовое наполнение магистратского империя.

Как это ни странно было обнаружить у Вольфганга Кункеля (в силу разработки автором теории чисто военного наполнения империя в раннюю и среднюю Республики), но уточнение «*dictator rei gerundae causa* был, правда,

¹⁰ Bleicken 1992, 32.

¹¹ *optima lex [---] in magistro populi faciundo, qui vulgo dictator appellatur...* («высший закон [---], согласно которому был учрежден начальник народа, называвшийся обыкновенно диктатором». Подробнее см. Дементьева 2001.

в качестве обладателя высшей должностной власти не ограничен ведением войны» содержится в его книге, опубликованной в 1995 г.¹² (с которой мы не могли ознакомиться до написания своей монографии по диктатуре, так как она была сдана в печать в тот же самый год). Конечно, В. Кункель называл главной задачей диктаторов *rei gerundae causa* «высший приказ на войне», но, тем не менее, признание невоенной высшей компетенции названных диктаторов свидетельствует о далеко не полной и жесткой детерминированности исследовательских позиций этого крупного романиста абстрактными теоретическими построениями.

В целом же, теперь, когда мы подняли и с должной степенью подробности проработали тот пласт историографии, в котором трактуется содержание понятия *impegium*, нам становится отчетливо ясно: сведение функций диктаторов *rei gerundae causa* только к военной области, утверждения об отсутствии империя у диктаторов *imminuto iure*, отрицание невоенного целевого назначения диктаторов *optima lege* – звенья одной цепи, имеющей начальным исходным звеном совсем не свидетельства источников, а теоретический посыл, сводящийся к следующему: до поздней Республики магистратский империй имел сугубо военную компетенцию. Мы его считаем неверным, ибо, при непредвзятом анализе источников, он остается ничем существенным не подкрепленным. Когда мы возражали А. Хойсу, Й. Бляйкену (и их последователям) в трактовке конкретных вопросов истории римских чрезвычайных магистратур, нас заставляла это делать информация источников, мы шли эмпирически, удивляясь подчас тенденциозности их интерпретации в работах наших оппонентов и недоумевая, для чего им это нужно. Сейчас же нам предельно четко видно «для чего»: теоретическая схема заставляла их отсеивать информацию, не вписывающуюся в нее, или придавать ей несвойственный, надуманный смысл.

Но вернемся непосредственно к диктатуре ранней Республики. Мы определили количество случаев передачи высшей власти раннереспубликанским диктаторам как примерно восемьдесят пять.¹³ Тем же самым числом – 85 обозначил количество римских диктатур, известных нам за период с рубежа VI / V вв. по III в. до н. э. включительно, американский исследователь Артур Каплан,¹⁴ диссертацию которого нам удалось найти также после публикации своей монографии. Подсчеты, следовательно, производились нами независимо друг от друга, но привели к одной и той же цифре. Порядка 60 диктатур из их общего количества приходятся на V–IV до н. э. (большинство из них, а именно $\frac{2}{3}$, применялись в IV в.), когда военные задачи носителей чрезвычайной власти, безусловно, превалировали.

Диктаторы начала Республики предстают перед нами в изображении античной традиции как образцы римских доблестей и добродетелей. Дионисий

¹² Kunkel 1995, 679.4

¹³ Дементьева 1996, 118.

¹⁴ Kaplan 1977, 169–172.

Галикарнасский и Тит Ливий особенно делают упор на том обстоятельстве, что первые носители диктаторских полномочий стремились решить внешние конфликты миром, а не кровопролитием. Такой пример являл собой первый диктатор Тит Ларций (501 г. до н. э. по Ливию, 498 г. до н. э. – по Дионисию). Дионисий (V. 76.1) подчеркивает гуманность Ларция¹⁵ и его миролюбивые установки (V. 76.2–4), а Ливий – подтверждает ведение римлянами во время его диктатуры мирных переговоров (II. 18.11). Второй диктатор Авл Постумий (499 или 496 г. до н. э.), по словам Дионисия, также надеялся закончить войну без боя, заключением мира (VI.5.3) – ἀμαχητὶ καταλύσεσθαι τὸν πόλεμον. При этом желание избежать кровопролития сочеталось с желанием демонстрации военного и морального превосходства. Так, Ливий (III. 28.10)¹⁶ говорит от имени Луция Квинкция Цинцинната (диктатура 458 г. до н. э.), что он не жаждет крови эквов; одновременно же историк сообщает, что диктатор прогнал врагов под ярмом.

Разумеется, диктаторы предстают перед нами, усилиями античных писателей, в основном как талантливые военачальники, наделенные всевозможными полководческими дарованиями, знаниями тактических приемов и умениями руководить армиями в самых сложных ситуациях (Liv. IV.21.9; IX.21.4; IX. 22; Dionys. VI.3.2; X.24.4–5 и др.). Непосредственно в ходе военных действий диктаторы, в изображении нарративной традиции, не только отдавали приказы, но воздействовали на сражающихся римлян разнообразными способами. Они обращались к воинам с мольбами и заклинаниями (видимо, магического характера). Ливий (II.20.10) пишет, что Авл Постумий во время боя заклинает (умоляет, настоятельно просит) всадников спешиться и заменить в сражении пехоту: *tum ad equites dictator aduolat, obtestans ut fesso iam pedite descendant ex equis et pugnam capessant*. Естественно, диктаторы воздействовали личным примером, смело подвергали

¹⁵ ἐνθυμούμενος δ', ὅτι φρονίμων στρατηγῶν ἐστίν, οὐ μόνον τὰ ἑαυτῶν πράγματα ποιεῖν ἰσχυρά, ἀλλὰ καὶ τὰ τῶν πολέμων ἀσθενή, καὶ μάλιστα μὲν ἄνευ μάχης καὶ πόνου καταλύεσθαι τοὺς πολέμους, εἰ δὲ μή γε σὺν ἐλαχίστη τοῦ στρατιωτικοῦ πλήθους ἀπάνη, πολέμων θ' ἀπάντων κακίστους ἡγούμενος καὶ πλείστα τὰ λυπηρὰ ἔχοντας, οὗς πρὸς συγγενεῖς καὶ φίλους ἀναγκαζόμενοί τινες ἀναιροῦνται, ἐπιεικεστέρων μᾶλλον ἢ δικαιοτέρων ᾤετο δεῖν αὐτοῖς διαλύσεων. – Рассудив, что разумному военачальнику свойственно не только укреплять собственные позиции, но и ослаблять вражеские, но более всего – оканчивать войны без битв и страданий, а если это невозможно, то с наименьшими потерями воинского состава, и считая, что наилучшими, самыми тяжелыми из всех войн являются те, которые кто-либо вынужден предпринимать против своих сородичей и друзей, Ларций понял, что римлянам необходимо закончить войну скорее с наибольшей снисходительностью, нежели с наибольшей справедливостью (пер. Л. Л. Кофанова).

¹⁶ sanguinis se Aequorum non egere; licere abire, sed ut exprimatur tandem confessio subactam domitamque esse gentem, sub iugum abituros. – Крови эквов он-де не жаждет, пусть себе уходят, но, чтобы они наконец признали, что покорен и смирен их народ, пусть они пройдут под ярмом (пер. Г. Ч. Гусейнова).

себя опасности. Об этом, в частности, повествует Дионисий (VI. 41. 3),¹⁷ рассказывая о диктаторе Мании Валерии (494 г. до н. э.). «Начальники народа» воодушевляли предводимый ими народ призывами, апеллированием к прошлым победам, вызывали жажду мести. Так, о диктаторе Мамерке Эмили (426 г. до н. э.) сообщается, что он вдохновлял своих отступавших воинов на активные действия против фиденян, напоминая о доблести отцов, о необходимости отмщения за причиненные бедствия (Liv. IV. 33. 3–5), так что от диктаторского империя было воодушевлено все войско (Liv. IV. 33. 6: *ad imperium dictatoris mota cuncta acies*).

Античное историописание в изображении полководческих действий диктаторов подчеркивает, что они ободряли римлян в бою похвалами, признанием мужества своих воинов. Ливий об Аппии Клавдии, диктаторе 362 г. до н. э., информирует, что тот на *contio* публично хвалил мужество легата¹⁸ и рядовых воинов, отстоявших лагерь, вызывая у остальных желание состязаться в воинской доблести с удостоенными такой похвалы (VII.7.3).¹⁹

Были у диктаторов-полководцев и более «прозаические», менее возвышенные способы активизации военной кампании римской армии. Так, они стимулировали воинов непосредственно в ходе военных действий грядущей добычей, как это делал Папирий Курсор (диктатор 325 г. до н. э.) в борьбе с самнитами (Liv. VIII. 36. 10).²⁰ Иногда диктаторы пытались и устыдить воинов, чтобы вселить в них отвагу. Гай Сульпиций (диктатор 358 г. до н. э.) стремился в бою с галлами заставить забыть думать об опасности, вопрошая: *in castris fe-*

¹⁷ παράδειγμά τε ὑμῖν ἀξιώ γενέσθαι τοῦμὸν εἰς τοὺς κινδύνους πρόθυμον· ὑπεραγωνισοῦμαι γὰρ ὡς ὁ κρᾶτιστα ἐρρωμένον ὑμῶν. – Я желаю также, чтобы мое рвение в стремлении подвергнуться опасностям было примером для вас. Ибо я буду сражаться за Отечество столь же упорно, как самый сильный из вас (пер. А. В. Щеголева).

¹⁸ Упоминание о легате, видимо, является проявлением модернизации в тексте Ливия (имеется в виду, вероятно, военный трибун). Легаты предположительно появились в Первой Пунической войне (Kunkel 1995, 677). Во всяком случае, легаты были введены в военную организацию уже после того, как Рим стал вести войны за пределами Италии (См. об этом в монографии Бернхарда Шлойсснера: Schlußner 1978).

¹⁹ *et pro contione dictator laudibus legati militumque, quorum virtute castra defensa erant, simul audientibus laudes meritas tollit animos, simul ceteros ad aemulandas virtutes acuit.* – Сам диктатор, воздавший перед сходкой хвалу легату и воинам, защитившим своей доблестью лагерь, разом и вдохнул бодрость в тех, кто внимал заслуженным похвалам, и побудил остальных соревноваться с ними в доблести (пер. Н. В. Брагинской).

²⁰ *addebat alacritatem quod dictator praedam omnem edixerat militibus; nec ira magis publica quam privatum compendium in hostem acuebat.* – Диктатор вдобавок так раззадорил воинов, объявив всю добычу их собственностью, так что личная корысть гнала их на врага не меньше, чем ненависть к самнитам и верность государству (пер. Н. В. Брагинской).

roces, in acie pavidi (в лагере беззаветно храбрые исполнены страха на поле сражения? (Liv. VII.15.2). Слова эти возымели действие (VII.15.3).²¹

Сообщается античными авторами, что диктаторы даже шли на психологические уловки, сопряженные с некоторым обманом. Ливий говорит о том, что диктатор Квинт Фабий (315 г. до н. э.), воюя с самнитами, скрыл от воинов прибытие начальника конницы со свежим войском (Liv. IX.23.8), считая, что воины будут храбрее сражаться, если надеяться будут только на свои силы, для чего даже приказал поджечь лагерь. Буквально говорится следующее (Liv. IX.23.9): *et, tamquam nulla nisi in eruptione spes esset, «locis» inquit «angustis, milites, deprehensi, nisi quam victoria patefecerimus viam nullam habemus»* (и будто бы уповать нельзя было ни на что другое, кроме нападения, обратился с речью: «Воины, мы поставлены в такое положение, что никакого другого пути у нас нет, если мы не проложим дорогу победе»).

Не только в ходе сражений диктаторы оказывали воздействие на воинский боевой дух. Перед битвой, например, они заботились о раненых. Луций Папирий Курсор (диктатор 325 г. до н. э.) поступал таким образом (Liv. VIII.36.6).²² Он, восстанавливая тела воинов, еще лучше исцелял их души (*medendis corporibus animi multo prius militum imperatori reconciliarentur* (Liv. VIII.36.7).

Отмечая нравственные качества диктаторов, позволявшие им приобретать популярность, древние писатели обращают внимание читателей: после военных успехов диктаторы не старались приписать славу и доблестные подвиги деяния только себе, а, наоборот, щедро делились ей с другими военачальниками. Так, диктатор Квинт Сервилий Агала (360 г. до н. э.), по свидетельству Ливия (VII.11.9), хотя сам действовал блестяще (*egregie*), в сенате и перед народом благородно похвалил консулов и, уступив им даже честь своих деяний, сложил с себя полномочия диктатора (*dictator consulibus in senatu et apud populum magnifice conlaudatis et suarum quoque rerum illis remisso honore dictatura se abdicavit*).

Как видим, античная нарративная традиция широко использовала фигуры диктаторов-полководцев в качестве *exempla*, достойнейших примеров деяний предков, заложивших могущество римского государства. Естественно, что одним из ярчайших примеров *exempla* был в античной исторической традиции Марк Фурий Камилл, но о нем в таком качестве уже шла речь в одной из наших публикаций.²³ Лейтмотив, постоянно присутствующий при характеристи-

²¹ *vera audiebant; itaque tantos pudor stimulos admouit, ut ruerent in hostium tela alienatis a memoria periculi animis.* – Правду слышали воины, а потому, преисполняясь стыда, они ринулись навстречу вражеским стрелам, забыв и думать об опасности (пер. Н. В. Брагинской).

²² *itaque adhibitibus legatis ipse circuit saucios milites inserens in tentoria caput, singulosque ut sese haberet rogans curam eorum nominatim legatis tribunisque et praefectis mandabat.* – И вот, собрав легатов, он сам обошел раненых воинов и, заглядывая в шатры, каждого в отдельности спрашивал о здоровье и поименно поручал воинов заботам легатов, трибунов и перфектов (пер. Н. В. Брагинской).

²³ Дементьева 2007.

ке древними авторами раннереспубликанских диктаторов, – они были достойны такой должности. Ливий (IV.13.12) говорит о диктаторе Цинциннате как о человеке достойном диктаторской власти: *ibi animum parem tantae potestati esse*. О Мамерке Эмилии Ливий пишет (IV.17.11), что как высшей властью, так и мужем, соответствующим этой власти, удалось изгнать врагов из римской земли за Аниен: *cum potestas maior tum vir quoque potestati par hostes ex agro Romano trans Anienem submovere*. Применительно к его другой диктатуре (426 г. до н. э.) говорится (Liv. IV.31.5), что Мамерк Эмилиий был провозглашен, когда положение римской общины требовало настоящего мужества: *adeo, simul fortuna civitatis virtute vera eguit*. Дионисий (V.77.2) пишет, что, начиная с первого диктатора Тита Ларция (о деятельности которого он отзывается в самых благожелательных выражениях), такое усердие сохранялось всеми, получившими эту власть, до третьего до нас поколения (*οὗτος ὁ ζῆλος ἀπ' ἐκείνου τοῦ ἀνδρὸς ἀρξάμενος ἄλασι παρέμενε τοῖς λαμβάνουσι τὴν αὐτὴν ἐξουσίαν ἄχρι τῆς τρίτης πρὸ ἡμῶν γενεᾶς*). К этим диктаторам Дионисий применяет прилагательное «безупречный», «безукоризненный» (*ἀνεπιλήπτως*), уподобляя их в данном отношении самому первому диктатору – *Dionys. V.77.3*.

Такое уподобление не случайно: оно есть не что иное, как возведение к самому раннему примеру предков. Это проявление формировавшегося триединства понятий: *mos – instituta – exempla*. Уве Вальтер (Walter 2004, 55) рассматривает *exempla Romana* как важнейшую и самую выраженную («плакатную») часть *mos maiorum*. *Exempla*, – подчеркивает он, – конституировали *mos maiorum* в качестве прецедентов в спорных вопросах права и политической культуры. О. В. Сидорович (2005, 125) отмечает превращение римской историографии в акт самосознания римского народа, «который протекал в собственных римскому историческому сознанию категориях *exempla* (примеров)».

Обратим внимание на примечательную особенность характеристики раннереспубликанских диктаторов у Ливия: диктаторы, действовавшие во второй половине IV в. до н. э., противопоставляются прежним, более ранних времен (в качестве такого рубежа усматривается 325 г. до н. э., отмеченный конфликтом диктатора и начальника конницы). Если у Дионисия все диктаторы до Суллы в суммарной характеристике – образец для подражания, то у Ливия (VIII.33.13) имеется восклицание о том, насколько отличаются новые предводители от древних высокомерием и жестокостью: *quantum interesse inter moderationem antiquorum et novam superbiam crudelitatemque*.

Согласно Ливию, порядка 40 диктаторов, из тех, которых он отметил в своих первых десяти книгах, решали задачи военного командования. Из них около 30 специально назначались для отражения внешней агрессии. В повествовании о них Ливий преимущественно и дает информацию о том, какие публично-правовые и сакрально-правовые акты осуществляли диктаторы. Рассмотрим действия раннереспубликанских диктаторов военно-правового характера.

Диктаторы, имевшие первоочередными целями своего назначения военные задачи, провозглашались уже после начала войны. Получив империй в обста-

новке военного положения, диктатор объявлял *iustitium* – закрытие судов (Liv. III.27.2²⁴; IV. 26.12²⁵; IV.31.9²⁶; VI.2.6²⁷; VII.9.6²⁸; VII.28.3²⁹; X.4.2³⁰). При магистратско-комициальном уголовном процессе ранней Республики это неизбежно должно было означать приостановку действия права провокации (невозможность для граждан обжаловать обращением к народу суровый приговор магистрата – Cic. *Leg.* III.6³¹). Обычная гражданская жизнь (*domi*) замирала, вступали в действие нормы *militiae*. Причем для диктатора они действовали и в пределах померия, и вне его, и до ликвидации военной угрозы, и после (до того, как последует официальная отставка – *abdicatio*). В этом одно из существенных отличий механизма реализации диктаторского империя от консульского (для консулов – независимо от оставшегося срока их полномочий – с завершением военной кампании и принятием сенатского постановления³² внутри общины возобновлялись порядки гражданской жизни).

Как наглядно видно из приведенных пассажей Ливия, одновременно с *iustitium* диктатор обычно совершал еще два важнейших публично-правовых действия, относившихся к военной сфере: издание эдикта (*edictum*) о наборе войск и проведение воинского набора (*dilectus*). Эдикт объявлялся диктатором (так же, как это делали консулы) на *contio* (Liv. III.27.2 и др.). Такую сходку следует рассматривать как «официальную», ибо она созывалась магистратом, обращавшимся к народу с речью,³³ причем не как «военную», а как «граждан-

²⁴ cum magistro equitum in contionem venit, iustitium edicit, claudi tabernas tota urbe iubet, uetat quemquam privatae quicquam rei agere; tum quicumque aetate militari essent.

²⁵ dilectus simul edicitur et iustitium, neque aliud tota urbe agi quam bellum apparari. cognitio vacantium militiae munere post bellum.

²⁶ accito exercitu a Veiiis, eoque ipso ab re male gesta perculso, castra locantur ante portam Collinam, et in muris armati dispositi, et iustitium in foro tabernaequeclausae, fiuntque omnia castris quam urbi similia...

²⁷ is dictator C. Seruilius Ahalam magistrum equitum dixit; iustitioque indicto dilectum iuniorum habuit ita ut seniores quoque, quibus aliquid roboris superesset, in verba sua iuratos centuriaret.

²⁸ dictator cum tumultus Gallici causa iustitium edixisset, omnes iuniores sacramento adigit ingentique exercitu ab urbe profectus in citeriore ripa Anienis castra posuit. pons in medio erat, neutris rumpentibus ne timoris indicium esset.

²⁹ iustitio indicto dilectus sine vacationibus habitus esset, legiones quantum maturari potuit in Auruncos ductae.

³⁰ nam ut exercitu deleto ita iustitium indictum, custodiae in portis, vigiliae vicatim exactae, arma, tela in muros congesta. omnibus iunioribus sacramento adactis dictator ad exercitum missus omnia spe tranquilliora et composita magistri equitum cura...

³¹ Cum magistratus iudicasset inrogassitue, per populum multae poenae certatio esto. Militiae ab eo qui imperabit provocatio nec esto, quodque is qui bellum geret imperassit, ius ratumque esto.

³² Подробно об этом см. Токмаков 1994.

³³ Попытку классификации римских сходок см. Фролов 2007. См. также Дементьева-Фролов 2009.

скую», ибо собравшиеся на нее граждане еще не были обязаны воинской клятвой римскому магистрату.

Очередность проведения *iustitium* и обнародования *edictum* о воинском наборе твердо установить нельзя, – складывается впечатление, что эти акты осуществлялись параллельно. Естественно, что эдикт издавал диктатор – это функция магистрата. Закрытие судов при ординарных магистратах проводилось обычно сенатским постановлением. Для периодов диктатур Ливий пишет о закрытии судов или безлично, или называет это действием диктатора (как, например, в VII.9.6). Возможны, в принципе, и вариант, подобный ситуации при ординарных магистратах (сенатское решение), и *iustitium* как публично-правовое действие самого диктатора. Диктатор был в подавляющем большинстве случаев (особенно в обстановке военной угрозы) креатурой сената, назначенной по инициативе сената, поэтому существенной разницы, от чьего имени закрывались суды, фактически не было (несогласования позиций здесь быть не могло). Формально-юридическая сторона скорее требовала сохранения обычного порядка, но нельзя исключить, что в критической обстановке войны предусматривалось осуществление диктатором части сенатских функций, производных от введения военного положения. В формулировке Ливия диктатор *iustitium edicit* (III.27.2), следовательно, мы вправе считать, что распоряжение о закрытии судов диктатором отдавалось также в форме эдикта (возможно, единый диктаторский эдикт касался сразу и закрытия судов, и проведения набора). Закрытие судов обычно сопровождалось прекращением торговых и других дел частноправового характера (*et iustitium in foro tabernaeque clausae* – Liv. IV.31.9)

В. Кункель обратил внимание, что эдикт диктатора о наборе часто был более суровый, чем соответствующий консульский (Kunkel 1995, 679). Это нетрудно объяснить крайней остротой военного напряжения. Действительно, неоднократно речь идет о том, что диктаторы призывали всех юниоров (Liv. VII.9.6: *omnes iuniores sacramento adegit*; VII.11.5: *dictator... omnes iuniores nullo detractante militiam sacramento adegit*; IX.29.4: *omnes iuniores sacramento adigit*; X.4.3: *omnibus iunioribus sacramento adactis*) или всех, достигших призывного возраста (Liv. III.27.3: *tum quicumque aetate militari essent*). Юниоры, воины в возрасте от 16 до 46 лет, довольно редко призывались все в целом, «обычно набиралась молодежь (*iuventus*)». ³⁴ Потребности же отражения предельно опасной военной агрессии, ради которых назначался диктатор, требовали иногда даже прибегнуть к услугам сениоров (Liv. IV.22.1: *dictator omnes luce prima extra portam Collinam adesse iubet. quibuscumque vires suppetebant ad arma ferenda praesto fuere* ³⁵; Liv. VI.2.6: *iustitioque indicto dilectum iuniorum habuit ita ut seniores quoque, quibus aliquid roboris superesset, in verba sua iuratos cen-*

³⁴ Подробнее см. Токмаков 1998, 167–168.

³⁵ «Диктатор приказал всем с рассветом выйти за римские ворота у Квиринальского холма. Мужички, у которых хватало сил носить оружие, были в состоянии боеготовности».

turiaret³⁶). Дополнительный призыв мог сопровождаться мобилизацией опытных центурионов – Liv. IV.17.10: *ad dilectum a consulibus habitum* (речь идет о диктатуре Мамерка Эмилия 437 г. до н. э., когда для войны уже набраны были консульские войска. – В. Д.) *centuriones veteres belli periti adiecti et numerus amissorum proxima pugna expletus*).³⁷

Большая строгость набора, осуществлявшегося диктатором, включала в себя также: проведение *dilectus sine vacationibus* (Liv. VII.28.3), т. е. без освобождения от воинской службы, призыв юношей «носящих претексту», т. е. не достигших 17 лет (*dilectu edicto iuniores ab annis septemdecim et quosdam praetextatos scribunt* – Liv. XXII.57.9), как это было сделано диктатором Марком Юнием Перой после битвы при Каннах (216 г. до н. э.), или зачисление в армию вольноотпущенников, имевших детей, проведенное в качестве экстраординарной меры несколько ранее, после битвы при Тразименском озере (217 г. до н. э.), диктатором Квинтом Фабием Максимом (*magna vis hominum conscripta Romae erat; libertini etiam, quibus liberi essent et aetas militaris, in verba iurauerant* – Liv. XXII.11.8).

В цитированных выше фрагментах (Liv. VI.2.6. и др.) весьма важное значение имеет выражение *in verba sua iuratos*, обозначающее произнесение (точнее даже – повторение слов) клятвы. Не приходится, на наш взгляд, особенно сомневаться в том, что речь идет о *sacramentum*, но возникает вопрос: как она произносилась? В. Кункель так описывает процедуру: диктатор произносил слова клятвы, которые затем должны были быть повторены войском. Но их дословное воспроизведение осуществлялось, по его мнению, только ближайшими подчиненными диктатора (вероятно, военными трибунами), остальные же воины произносили лаконичное подтверждение (Kunkel 1995, 677). То, что существовал определенный словесный формуляр клятвы, В. Кункель аргументирует отсылкой на Авла Геллия (XVI.4.2), у которого, однако, речь идет о присяге более позднего времени – *ius iurandum*, дававшейся непосредственно «трибунам как государственным служащим» (Токмаков 2007, 171). Тем не менее наличие словесной фиксированной формулы, в которую облакалась клятва, вполне резонно допустить. Не приходится и отрицать, что произнесение определенных формулировок, *concertis verbis*, предназначенных для повторения, было свойственно римской публично-правовой, особенно сакрально-правовой практике. Вместе с тем, сопутствующие приведенным (не вызывающим неприятия) утверждениям рассуждения В. Кункеля трудно принять полностью и безоговорочно, хотя они содержат интересные акценты. Он напоминает, что глагол *dictare* (давший название должности) – это интенсивная (усилительная) форма к *dicere*, и полагает

³⁶ «Закрыв суды, провел набор юниоров, а также сениоров, у которых оставались какие-то силы; их, по произнесении клятвы, он разделил по центуриям».

³⁷ «В дополнение к произведенному консулами набору были добавлены испытанные, имеющие военный опыт, центурионы, а количество потерь предыдущей битвы восполнено комплектованием».

при этом, что она означает именно «произносить клятву», находя подтверждение у Силия Италика: *iamque ordine iusso obstringunt animas patriae dictataque iurant sacramenta deis et purgant pectora culpa* (X.447). Здесь все же нужно учитывать, что это только одно из нескольких возможных значений данного глагола с исходным смыслом «говорить», тем более в поэтической фразе конкретизировано, что именно являлось произнесенным. Поэтому дальнейший твердый вывод немецкого романиста, что диктатор – это «присягающий», убедительным не выглядит. От выражения, имеющего смысл «произносящий клятву», или, например, от выражения «отдающий приказы» происходит название магистратуры, – в данном вопросе аргумент В. Кункеля не может быть решающим. Тем более, клятву диктатор в его интерпретации только озвучивает для повторения, а в полном смысле приносит ее (клянется) войско. К тому же В. Кункель исходит из того, что древним названием должности было *magister populi*, а диктатор – более позднее ее обозначение (это утверждение мы разделяем). Но тогда получается хронологический диссонанс: сакральная клятва – явление древнее;³⁸ если именно от ее произнесения произошло название магистратуры, то оно должно было в древности и появиться. Указание В. Кункеля на то, что такое название больше подходило к диктаторам *clavi figendi causa* (и в целом к диктаторам с сакральными целями), появившимися в IV в. до н. э., не компенсирует, на наш взгляд, названную логическую «нестыковку».

В связи с *sacramentum* в историографии имеется еще одно утверждение, которое следует проанализировать. Сводится оно к тому, что, в отличие от консульских, «диктаторские войска подобной присяги не приносили», принадлежит это утверждение ведущему отечественному специалисту по военной организации Римской Республики В. Н. Токмакову (1997, 56) и подкрепляется у него ссылкой на сообщение Дионисия о Цинциннате (*Dionys. X.18.2*). Приведем данный текст (пер. В. Н. Токмакова):

«πάντες ὁμομόκασιν τὸν στρατιωτικὸν ὄρκον, ἀκολουθήσειν τοῖς ὑπάτοις ἐφ' οὓς ἂν καλῶνται πολέμου, καὶ μήτε ἀπολείψειν τὰ σημεῖα μήτε ἄλλο πράξειν μηθὲν ἐναντίον τῷ νόμῳ. παραλαβὼν δὲ τὴν ὑπατικὴν ἐξουσίαν αὐτὸς ἔχειν ἔφη κρατούμενους ἅπαντας τοῖς ὄρκοις – Войска уже давали консулам клятву следовать за ними в любой войне, на которую их призовут, и не оставят знамен или не совершат что-либо противное закону (νόμος), а так как диктатор принял консульский империй, то он удерживает их всех, связанных с ним своей клятвой».

Наиболее важна последняя часть фразы (после колона). В переводе неуказанного переводчика данной книги в русскоязычном издании Дионисия она выглядит следующим образом: «приняв консульские полномочия, он держит плебеев в своей власти, поскольку все они связаны своей присягой»;³⁹ если педантично соблюдать правила перевода оборота *ass. cum inf.*, то буквальный

³⁸ В. Н. Токмаков (2007, 171) небезосновательно связывает ее происхождение с *leges sacrae*, т. е. хронологически относит к следствиям первой сецессии плебеев 494 г. до н. э.

³⁹ Дионисий Галикарнасский, *Римские древности* (Москва, 2005), т. 3, с. 83.

перевод будет, по нашему мнению, иметь вид: «приняв же консульскую власть, он сказал, что все, удерживаемые клятвой, остаются (имеется в виду: остаются в том же положении. – В. Д.)». В первом из приведенных переводов (В. Н. Токмакова) акцент сделан на том, что воины связаны клятвой с диктатором, хотя давали ее консулу, во втором – что связаны они «своей» клятвой (что можно понимать как «взаимные клятвы», по определению В. Н. Токмакова (1997, 57), не отрицающего возможность таковых и в диктаторских войсках), но у Дионисия, как видим, эти акценты не расставлены, это вопрос интерпретации. Из предшествующего текста Дионисия следует, что сам диктатор еще не объявил воинского набора, и в таком случае естественно, что клятва давалась ранее консулам при наборе по их эдикту. Как мы обосновывали в соответствующей монографии, консулы не уходили автоматически в отставку при переходе к диктатуре, они могли командовать армиями (и набранные ими войска не распускались, а использовались в ходе военных действий уже при диктатуре – см., например, Liv. VII.12.9⁴⁰), следовательно, консулы сохраняли империй. Но изменялся теперь механизм реализации их империя. Надстраивалась иерархия его носителей, диктаторские полномочия давали их носителю возможность «затмить» консульские, но, тем не менее, необходимости дополнения клятвы, данной консулам, клятвой, данной лично диктатору, могло не возникать. Однако это совсем не означает, что войска вообще никогда диктатору не давали *sacramentum*. Во всяком случае, когда античные авторы сообщают, что диктатор сам провел набор, они пишут, что он сам и обязал набранных воинов клятвой (Liv. VII.9.6; VII.11.5; IX.29.4; X.4.3 – цитаты приведены выше, и в них прямо говорится о *sacramentum* непосредственно в связи с диктатором).

Не вписывается, на первый взгляд, в этот ряд примеров только информация Ливия о диктатуре Манья Валерия (494 г. до н. э.); говорится, что диктатор сам провел набор, но воины давали клятву консулам: *itaque quamquam per dictatorem dilectus habitus esset, tamen quoniam in consulum verba iurassent sacramento teneri militem rati* – Liv. II.32.1). Однако если мы внимательно прочитаем изложение Ливием предыдущих событий того сложного для римлян года, то увидим, что консулы стремились провести воинский набор, но народ его бойкотировал. Затем назначили диктатора, он издал эдикт о наборе, который соответствовал эдикту консула Сервилия: *edictum deinde a dictatore... Servili fere consulis edicto conveniens* (Liv. II.30.6). А далее в том же фрагменте сообщается, что из десяти легионов набранного огромного войска по три дали каждому из консулов, а четыре использовались диктатором: *quantus nunquam ante exercitus, legiones decem*

⁴⁰ *dictatorem dici C. Sulpicium placuit; consul ad id accitus C. Plautius dixit; magister equitum dictatori additus M. Valerius. hi robora militum ex duobus consularibus exercitibus electa adversus Gallos duxerunt.* – Решено было назначить диктатором Гая Сульпиция, назначил его консул Гай Плавтий, за которым для этого послали, а начальником конницы при диктаторе стал Марк Валерий. Эти двое повели против галлов отборных бойцов, взятых из войск обоих консулов (пер. Н. В. Брагинской).

effectae; ternae inde datae consulibus, quattuor dictator usus. Поскольку в непосредственное распоряжение диктатора поступило далеко не все войско, то нет ничего удивительного в том, что значительная часть воинов могла быть обязана личной клятвой другим военачальникам с империем.

Таким образом, на наш взгляд, все, казалось бы, исключения из правила его только подтверждают, во всяком случае, не противоречат тезису, который мы считаем верным: войска, набранные по эдикту диктатора – как минимум те, которыми он непосредственно командовал в ходе сражений, – приводились к священной клятве ему точно так же, как это было по отношению к ординарным высшим магистратам. Это, на наш взгляд, является еще одним подтверждением общности объема полномочий, заключенных в империи, для ординарных и экстраординарных магистратов.

В ситуациях же, когда заканчивался консульский год, но власть переходила к диктатору, который принимал консульские войска (такой случай имел место, например, в 316 г. до н. э. – Liv. IX.21.1⁴¹), оправданно – исходя из логики имеющихся реконструкций публично-правовых и сакрально-правовых установлений римлян – считать, что, поскольку полностью изменялся состав носителей империя, войско заново обязывалось клятвой новому обладателю высшей власти.

Когда произвести воинский набор, и в каком количестве сформировать вооруженные силы – эти вопросы решал, как известно, магистрат с империем. Диктатор не был и в этом отношении исключением. Применительно к ординарным высшим должностным лицам доказано, что сенат мог оказывать влияние на то, кого и сколько консулам набирать в войско (Токмаков 1998, 162–163), к тому же дополнительное число воинских контингентов (сверх стандартных *exercitus consulares*) санкционировались сенатом (Токмаков 2007, 208). Судя по всему, эта практика сохранялась и в период диктаторских правлений. Во время Второй Пунической войны, как информирует Ливий, диктатор Квинт Фабий обращался к сенаторам с вопросом о том, каким количеством «отцы» определяют потребность в легионах для борьбы против победоносного врага (Liv. XXII.11.1: *tum de bello reque [de] publica dictator rettulit quibus quotue legionibus victori hosti obviam eundum esse patres censerent*). Диктаторы обычно вообще принимали решения с учетом мнения сената, высказанного формальным или неформальным образом. Официальным или неофициальным был характер сенатских рекомендаций, – это, вероятно, определялось имевшимся в распоряжении чрезвычайного магистрата временем для принятия решения; при дефиците времени диктатор мог обойтись и неформальной санкцией сената после личных консультаций с его членами.

⁴¹ C. Iunius Bubulcus et Q. Aemilius Barbula consules exitu anni non consulibus ab se creatis, Sp. Nautio et M. Popilio, ceterum dictatori L. Aemilio legiones tradiderant. – В конце года консулы Гай Юний Бубульк и Квинт Эмилий Барбула передали легионы не новым консулам – Спурию Навтию и Марку Попилию, а диктатору Луцию Эмилию (пер. Н. В. Брагинской).

Как всякий магистрат с империем, отправляясь на театр военных действий, диктатор имел право назначить городского префекта – praefectus urbis. Так, Цинциннат в 458 г. до н. э. оставлял в таковой роли Квинта Фабия, собравшего сенат, который вынес решение о триумфе для диктатора (Romae a Q. Fabio praefecto urbis senatus habitus triumphantem Quinctium quo veniebat agmine urbem ingredi iussit – Liv. III.29.4). В ходе военных действий диктатор совершал различные акты сакрально-правового характера: проводил ауспиции перед сражениями, давал обеты (Liv. II.42.5; V.23.7; V.31.3; VII.11.4; VII.28.4; XXII.10.10 и др.), но их изучение представляет собой отдельную исследовательскую область.

«Диктатор не мог действовать без начальника конницы (magister equitum). В этом воплощалась дихотомия в военной организации пешего войска и конницы» (Токмаков 2007, 219). Отсутствие у диктатора юрисдикции над всадниками (по меткому замечанию того же автора, «диктатор командовал начальником конницы, но не всадниками») обусловило необходимость наличия империя у magister equitum. Подтверждают наличие империя у начальника конницы слова Полибия (III.97.9).⁴² Но империй начальника конницы – impetium minor – был производным от диктаторского, поэтому с формально-юридической стороны военные удачи начальника конницы пополняли список диктаторских побед.

подавляющее большинство диктаторов ранней Республики, ведших военные сражения, предстают перед нами в передаче нарративной традиции как победоносные полководцы, о чем мы уже писали (Дементьева 1996, 46). Американский исследователь Н. Розенстайн также отмечает, что назначение диктатора из числа римских лидеров, уже проявивших таланты на военном поприще, было способом обеспечить эффективное руководство войсками, добавляя, что это был и наиболее легкий путь смещения плохого военачальника.⁴³ Однако, как он подчеркивает, такой путь избавления от неуспешного полководца применялся на практике крайне редко, так как римская аристократия, выше всего ценившая dignitas, не могла дискредитировать таким образом одного из своих членов, если он не имел пятна бесчестия, а само по себе поражение на войне, на его взгляд, такового не налагало. Вопрос о политических последствиях для полководца, потерпевшего поражение, Н. Розенстайн предлагает решать так: в IV–I вв. до н. э. побежденные полководцы, как он считает, не испытывали серьезных трудностей в политической карьере, в занятии магистратур (при том, что, разумеется, победы на войне укрепляли политические позиции); напротив, в V в. до н. э. пораже-

⁴² ἄμα δὲ τῷ δικτάτορι κατέστησαν ἱπλάρχην Μάρκον Μινύκιον. οὗτος δὲ τέτακται μὲν ὑπὸ τὸν αὐτοκράτορα, γίνεται δ' οἷονεὶ διάδοχος τῆς ἀρχῆς ἐν τοῖς ἐκείνου περισπασμοῖς. – Одновременно с диктатором назначили начальника конницы Марка Минуция. Он, хотя и находился в подчинении у диктатора, являлся преемником власти в случае отсутствия того.

⁴³ Rosenstein 1990, 13 ff. См. также: *Война и античное общество*, 84.

ние полководца нередко имело для него негативные политические последствия, ибо приводило к враждебному к нему отношению граждан. Это Н. Розенштайн объясняет сословной борьбой первого столетия истории Республики. Кардинальные изменения в восприятии общественным настроением военных неудач полководца, на его взгляд, произошли на рубеже V–IV вв., после тяжелого поражения римлян в битве при Аллии 390 г. до н. э. Принимая во внимание эти наблюдения, полагаем, что вопросы о том, как влияли проигранные битвы на репутацию полководца и, в целом, какова была зависимость от успешной военной деятельности таких краеугольных для римской элиты характеристик политика, как *dignitas*, *auctoritas*, *honores*, еще нуждаются в специальных исследованиях.

Таким образом, диктаторы ранней Римской Республики, являющие собой в античной традиции примеры *exempla* доблестных полководцев, предстают перед нами отнюдь не в виде схематично-идеальных образов, а в подробной конкретике их деяний, что позволяет рассматривать информацию о них в качестве имеющей под собой реальные факты, а не как чисто художественный продукт. В любом случае, эти *exempla* превращали обычай предков (*mos maiorum*) не только в поведенческий эталон (моральную норму), но и в прецедент, по сути дела, публично-правового характера. Мы считаем также, что сам институт диктатуры в исторической памяти римлян приобрел героический ореол благодаря действительным, а не мнимым успехам диктаторов, проводивших военные кампании. Публично-правовая практика применения экстраординарной власти диктаторов в военной сфере закрепила в общественном сознании граждан доверие к чрезвычайным полномочиям, предоставляемым для спасения отечества, формируя важные стороны римского менталитета и римской идентичности.

Итак, диктаторы V–III вв. до н. э., провозглашавшиеся для военных действий, осуществляли три первоочередных публичных акта, правовым образом регламентированных. Они совершали закрытие судов, объявляли о наборе войска (если призванных ординарными магистратами воинов было недостаточно для военной кампании) и непосредственно проводили воинский набор. Обращение к гражданам публиковалось в форме эдикта; вероятно, что извещение о закрытии судов, прекращении частнопрововых дел и воинском наборе могло содержаться в одном эдикте. Если же по времени воинский набор от имени диктатора не был синхронизирован с переходом на военное положение жизни *civitas* (а провозглашение диктатора для любых целей всегда, как мы полагаем, переводило римскую жизнь в состояние *militiae*, ибо по отношению к диктатору не действовали и в пределах померия *интерцессия* и *провокация* к народу), тогда необходим был отдельный эдикт уже непосредственно о воинском наборе. Такой временной зазор и, как следствие, потребность в отдельном акте объявления набора могли возникать, если консульских войск было достаточно хотя бы на первую неотложную боевую операцию. Однако частая повышенная сложность и даже критичность военной ситуации, в которой назначался диктатор, требовали особого диктаторского набора, причем на самых

суровых основаниях, в том числе и максимальной мобилизации. Набранные диктатором войска давали, как мы стремились аргументировать, своему полководцу сакральную клятву – sacramentum, а со Второй Пунической войны и официальную присягу ius iurandum, которые приносились всем магистратам cum imperio.

В целом же, анализ осуществления высшей власти в военной сфере диктаторами ранней Республики, по нашему мнению, наглядно подтверждает вывод о том, что империй ординарных и экстраординарных магистратов отличался не своим объемом, а нормами, регулировавшими его применение.

Библиография

- Война и античное общество* (2004). Современная историография. Реферативный сборник ИНИОН (Москва)
- Дементьева В. В. (1996) *Магистратура диктатора в ранней Римской республике: V–III вв. до н. э.* (Ярославль)
- Дементьева В. В. (2001) «Закон о введении магистратуры диктатора в римскую конституцию», *Антиковедение и медиевистика* (Ярославль) 3, 25–35
- Дементьева В. В. (2005) «Магистратская власть Римской Республики: содержание понятия imperium», *Вестник древней истории* 4, 46–75
- Дементьева В. В. (2007) «Марк Фурий Камилл: древний портрет полководца в современной реставрации», *ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал* (Саратов) 2, 119–127
- Дементьева В. В., Фролов Р. М. (2009) «Несанкционированные гражданские contiones как общественно-политический институт Римской Республики», *Вестник древней истории* 4, 63–88
- Кофанов Л. Л. (2006) «Antiquitates rerum humanarum et divinarum Варрона и система римского публичного права», *IVS ANTIQVVM. Древнее право* 17, 45–54
- Маринович Л. П. (2001) *Античная и современная демократия: новые подходы.* Курс лекций (Москва)
- Маринович Л. П. (2006) «Война и право в классической Греции», *IVS ANTIQVVM. Древнее право* 17, 8–25
- Сидорович О. В. (2005) *Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н. э.* (Москва)
- Суриков И. Е. (2006) *Остракизм в Афинах* (Москва)
- Токмаков В. Н. (1994) «Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней Республики», *Вестник древней истории* 3, 34–49
- Токмаков В. Н. (1997) «Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней Республики», *Вестник древней истории* 1, 43–59
- Токмаков В. Н. (1998) *Военная организация Рима Ранней республики: VI–IV вв. до н. э.* (Москва)
- Токмаков В. Н. (2000) «Право и воинская дисциплина в республиканском Риме», *IVS ANTIQVVM. Древнее право* 6, 136–143
- Токмаков В. Н. (2007) *Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн* (Москва)

- Фролов Р. М. (2007) «Типология *contiones* Римской Республики», *Государство. Общество. Религия: Проблемы всемирной истории* (Ярославль) 25–33
- Bleicken J. (1992⁴) *Geschichte der Römischen Republik* (München)
- Hartfield M. E. (1982) *The Roman Dictatorship: its Character and its Evolution* (Michigan)
- Hölkeskamp K.-J. (2004) *Senatus populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen* (Stuttgart)
- Kaplan A. (1977) *Dictatorship and «ultimate decrees» in the early Roman Republic 501–202 B. C.* (New York)
- Kunkel W. (1995) «Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik», *Rechtsgeschichte des Altertums im Rahmen des Handbuches der Altertumswissenschaft*. 3. Teil. 2. Band. 2. Abschnitt (München)
- Rosenstein N. (1990) *Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competention in the Middle and Late Republic* (Berkeley)
- Schleußner B. (1978) *Die Legaten der römischen Republik. Decem legati und ständige Hilfsge-sandte* (München)
- Walter U. (2004) *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom* (Frankfurt am Main / München)